

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ И НОВАЯ REALPOLITIK-2012

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала». Сомодератор секции «Стандарты демократии и многообразие демократического опыта» Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» в Ярославле (10—11 сентября 2010 года).

В мире разворачивается новое восстание масс. Одновременно с этим зима революций Магриба незаметно перешла в весну ближневосточных интервенций. Формат глобализации быстро и непредсказуемо меняется. Реален ли кризис государственной системы России в новом мировом контексте?

* * *

Почти десять лет с начала президентства Владимира Путина рефреном обвинений — фундаментальных, серьезных, философских — в адрес политики Россия было то, что она одержима духом Realpolitik — духом политики интересов, чуждой ценностям. За это Россию неизменно критиковали на Западе, а в Европе особенно Германия.

Но в недавней «Sueddeutsche Zeitung» в статье известной

журналистки Сони Цекри, жесткого критика российской политики, Дмитрия Медведева приветствуют: наконец-то **Россия двинулась в реальную политику!** Это названо «проектом благоразумия», а Россию одобряют именно за Realpolitik. Наконец-то русские, отбросив сомнения и гамлетовские колебания, присоединилась к Западу в ливийском вопросе. Реальным политиком здесь неожиданно выступает Медведев, а Путин — кем-то, вроде «чеховского человека» в очках.

Что-то существенное меняется в мире. В тени перемен почти не обратили внимания на саудовские войска, вошедшие в Бахрейн. Саудам пора было раздавить шиитов в Бахрейне, а тут такой удобный момент. Международное общественное мнение не способно одновременно следить за двумя важными процессами сразу. Оно сосредотачивается на какой-то одной сцене, отвлекаясь от остального. И те, кто пытался понравиться своим «европеизмом», вдруг оказываются в дураках. Начав переходить к политике ценностей и гуманизма, обнаруживают, что та уже не нужна и ее не замечают. Нас критикуют теперь за нехватку реализма. Высказывания Путина, которое в России многим показались неполиткорректными, на Западе кажутся неуместно идеалистичными. С ним почти не спорят, как не спорят с гуманитарием, комментирующим большие военные маневры. Это заставляет спросить, **что же на самом деле является реальной политикой сегодня?**

* * *

Обратившись внутри России к тем, кто недавно любил выдвигать живописные геополитические тезисы, мы и тут обнаружим в них идеалистов, с ностальгией провожающих уходящий мир старой геополитики.

В этом мире политика наций была пронизана далеко идущими целями, в нем разоблачались замыслы великих гроссмейстеров, а континенты готовились к атакам и контратакам, — мир геополитического Виктора Гюго романтичен, но архаичен. Реалистически говоря, **мы присутствуем при конце геополитики** даже в самом прагматичном смысле слова. Против чего восстали народы Ближнего Востока? Они восстали против **весьма разумных и геополитически функциональных антиисламистских режимов.** Режимов, которые долго и высокой ценой выстраивались их политиками при поддержке Запада, а в прошлом и СССР.

Назначение всех тираний, от Туниса до Бахрейна и Йемена, было одно: служить бастионом против исламизма. Так же, как назначение стран Варшавского договора тоже было одно: служить бастионом против Запада и возрождения единой Германии в Центральной Европе. В 1989 году советский геополитический бастион рухнул. В 2011 рухнет другой — ближневосточный. Хотя он действительно остановил исламизм, он больше не нужен.

Дорогостоящие и мощные геополитические танки: Египет Мубарака, Ливия Каддафи, Тунис и Бахрейн, а вскоре и следующие за ними, — перестают существовать. **Народы не хотят далее обслуживать свои геополитические функции.**

Зато намечается новая Realpolitik, пока что в абсурдном и бессистемном виде. Николя Саркози понятия не имеет, что именно надо выстроить в Ливии, как и Брежнев не очень за-

думывался о том, что станет с Чехословакией, куда в 1968 он вводил войска. Саркози вообще не интересуют дальние геополитические горизонты. Он решает краткосрочные задачи укрепления внутри Франции и в Европе, а Каддафи ему просто удобно подвернулся. Но решает ли и Россия свои задачи?

* * *

Что является реалистичным внутри российской политики? Конечно же, президентские выборы. Но что считать *Realpolitik* накануне 2012 года? Многие думают, что волю Путина или волю Медведева. Их маневры, возможное укрепление, уход или приход другого. Это не так. Точней, все это важно, но не это повестка для *Realpolitik-2012*. Темой выборов 2012 года неизбежно станет характер и обеспеченность **массовых интересов**, которые Путин (вольно или невольно) сделал основой государственной политики.

Не находя на нашей сцене очерченных политических сил с ясным представительством, аналитики привыкают игнорировать фактор общественных интересов в политике. И увлеченно обсуждают элитные схемы и интриги. Тем более, что российская журналистика, ставшая внутренней перепиской элитных групп, охотно рассуждает о народном протесте и вечно ждет «новую революцию». Действительно, массовые коалиции граждан не представлены в политике и попросту не существуют. Но их интересы представлены.

Владимир Путин, а за ним, обеспечивая преемственность, Дмитрий Медведев выстраивали легитимность власти на определенной политической концепции. Это философия признания и опережающего «справедливого» удовлетворения массовых интересов. Такая концепция получила имя политики стабильности, а результатом ее явилось «путинское большинство» — отчасти политический тезис и административно-учетная кате-

гория. В силу этого, а не в силу их политического давления, массы и их интересы стали значимой основой программирования исполнительной власти.

* * *

Фундаментом этого программирования является не Основной закон, а государственный бюджет. Последний и становится истинной действующей конституцией масс. Рассмотрев государственный бюджет, мы всегда найдем в нем склейку трех элементов. Первый — это обеспечение интересов вполне конкретных социально-демографических групп (какими их представляет правящий класс). Второй — то, что правящий класс наметил украсть, отложив в удобных для этого позициях. Наконец, в-третьих, нечто на развитие регионов, экономической инфраструктуры и представительские расходы, что обязательно для суверенной страны — члена ООН. Поэтому наш **бюджет отражает реальную концепцию, но это не концепция развития страны. Это концепция обеспечения социальных интересов массовых групп.** И это предельный на сегодня вид реализма.

Алексей Кудрин, которого считают борцом с «социальным расточительством», никогда не противостоял этой философии радикально. Он корректировал ее издержки, сталкиваясь лбами группы бюджетополучателей. Так же, как Путин, пугая правящих — массами, а массы — неистовым корыстолюбием и жестокостью их элит, уравнивал те и другие собственной властью. Но сегодня, в ситуации заявленного конца старой системы, как отсталой, архаичной и подлежащей модернизации, снова встает вопрос об обеспечении массовых интересов.

Вчера они **обеспечивались Путиным, затем тандемом Медведев-Путин, бюджетом под цензурой Кудрина и — всей реальной конструкцией государства.**

* * *

Это несколько похоже на **предкризисную модель американской экономики, с ее расширяющимся «ипотечным большинством» — миллионами держателей ипотек, и ценных бумаг, и деривативов, связанных с ипотечным рынком.** По времени эта эпоха совпала с годами расцвета «путинского большинства» в России. Уже тогда, задолго до кризиса, эти бумаги рассматривались как плохие, неполноценные кредитные обязательства. У домохозяев не было шансов за них расплатиться, однако экономика нуждалась во все большем количестве таких дешевых кредитов, и пузырь стремительно расширялся, пока не лопнул.

Одновременно расширялся и социальный пузырь «путинского большинства» в России. Политика удовлетворения массовых интересов разжигала аппетиты и также не могла остановиться. В экспансию входили не только выплаты по социальным обязательствам и индексации пенсий, сюда входила и Мюнхенская речь, и потребительские кредиты городских слоев, и футбольно-спортивный патриотизм с нестойкой символикой и мифологией. Все это вместе создавало ощущение роста и силы, как в Америке Буша-младшего.

Дома американских домохозяев хорошо построены и прочны — но связанные с ними ценные бумаги считались «низкокачественными» еще задолго до краха 2007—8 годов. Российское общество также прочно выстроенная, эшелонированная инфраструктура — но она высокорискова. Препятствием политический и экономический режим, режим стабильности и путинского большинства становится бюджетно-«низкокачественным».

Кризис таких систем не в том, что все одновременно перестают платить ипотеку или выходят «к Кремлю», как мечтают радикалы несистемной оппозиции. Крахом является одно только *замедление темпов экспансии*. Едва кончается триумфальный рост этой массы — начинается кри-

зис. Он произошел в Америке, и он угрожает России, хотя совсем по-другому. К счастью для нас, у нас не было массовых ипотек. Русский пузырь надут бюджетными выплатами и их политическими «деривативами». Но внутри пузыря десятки миллионов бюджетно-зависимых граждан, их собственность и безопасность, их интересы.

* * *

И сегодня основной вопрос Realpolitik внутри России — кто политически обеспечит и полити-

чески «перестрахует» реальные инвестиции миллионов ее граждан в ее государственную систему? Это не вопрос политического будущего лично Медведева и лично Путина. Это вопрос государственного будущего их избирателей, вовсе не теоретический интерес. Сумеет новый курс Медведева обеспечить их интересы?

Путин тесно связан с существующим режимом. Путин — нечто вроде всероссийского государственного Fannie Mae. Находящийся сам внутри ставшего ненадежным большинства, он не

может далее защищать его, даже всеми средствами финансовой инфраструктуры. Его, как и последнего гражданина России, необходимо убедить в прочности новой системы.

Это вопрос к Медведеву, а не Путину. Предоставит президент концепцию обеспечения массовых интересов (включая интересы самого Путина — гражданина России) или нет? Здесь ось повестки будущих выборов и их основная интрига. ■

Специально для Ярославского Форума

КАПКАН ХАБЕРМАСА

Александр Морозов

Александр Морозов — журналист, публицист, политолог; директор Центра медиаисследований Института истории культур (УНИК)

«Если мы будем говорить правду, нам будут верить все меньше и меньше» — таков парадокс, с которым сталкивается правящая верхушка в авторитарных режимах, пытающихся провести реформы. Структу-

ра этого парадокса, видимо, такова: медленно «закручивая гайки», режим теряет доверие; затем, когда он начинает их откручивать, то есть решается пойти на публикацию материалов о злоупотреблениях и преступлениях внутри системы (в надежде на то, что это будет воспринято обществом как шаг власти ему навстречу), ожидания правящей бюрократии, как правило, бывают обмануты. Массовый читатель, видя разрешенные этой же властью «очистительные» публикации о коррупции в собственных рядах, совершенно забывает, что еще вчера такие публикации были запрещены. **В ответ на попытки бюрократии стать «бюрократией с человеческим лицом» она получает со стороны общества смачный плевок в это самое лицо.**

Собственно, это мы и наблюдаем во всей красе сегодня, созерцая провал путинского мегапроекта под названием «Плавно уйти за спину Медведева». Возможно, Владимир Путин сам себе думает: «Я же ушел! Я же со-

гласился на смену стиля, я не против новых свобод. Это я — сам!». Но в ответ ему летят фотографии «дворца Путина», счета Gunvor, списки «невъездных» в еврозону, где он — *number one*, потоки публикаций, из которых ясно, что все его «друзья» — воры и погрязшие в пороках нувориши. Особенно хороша история с Ушаковым — только что снятым с поста заместителем директора ФСБ. Понятно, что, не будь «монаршей воли» к свободе СМИ, рассказ о шестидесятилетии, которое генерал отметил с размахом на миллион долларов в ресторане на Рублевке, мы не читали бы об этом в *LifeNews* в каждой электричке, а лишь в специальных сочинениях Владимира Прибыловского, публикуемых в Лондоне. Но читатель в массе своей, даже если и понимает про «аппаратную» борьбу наверху, ни секунды не верит, что это «хорошие аппаратчики» наказали «плохого, аморального аппаратчика». Читатель восклицает: «Все вы одним миром мазаны! Вон как ваши генералы жируют». И в